

Содержание

Новелла в четырех сторис	3
Любовь в нерезиновой	32
Столик на одного	47
Первая пациентка психотерапевта	59
Чувства: бесконтактная доставка	66
Ретроградная Лера	98
Последний романтик Земли	106
Оставить комментарий	119
102 секунды	134
Город по имени Л.	153

*Посвящается всем женщинам,
которые не боятся жить и любить*

Новелла в четырех сторис

Маша страшно завидовала. Она сидела на кухне отеля, где работала поваром, и листала ленту «Инстаграма», громко восклицая про себя: «Это несправедливо. Ужасно несправедливо! Почему одним все, а другим ничего? И почему я среди тех, кому “ничего”? Я, блин, работаю в замшелом отеле маленького городка. Обмениваю свою жизнь на 30 тысяч в месяц. Ладно, если я хотя бы получала сто... За сотку можно и попрыгать. Но как же несправедливо губить свою жизнь за тридцатку! Омлеты, видите ли, готовлю для шведского стола. Приезжают к нам всякие фифы из столицы, я им тут угодить должна. Сегодня с утра такая фря была.

Говорит: «Можно мне омлет на безлактозном молоке Smalio?» Ну дает! Так и хотелось сказать: «Да вы что, курва, где я вам в семь утра найду какое-то шмалио?»

И так каждый день: омлеты, беконы, люди, лица их постные. Скукотища такая!

А так хочется пожить по-человечески...

Кругом такая жизнь красивая — например, у блогеров этих из “Инстаграма”. Хочу так же: бац — и на Мальдивы рванула на частном самолетике. А потом выходишь и фоткаешься на фоне трапа, и ножку такую вытягиваешь “уи-и-ить”, как балеринка. Чтобы съемки каждый день, шампанское. Да хоть “Вдовой Клико” раковину моешь. Сегодня — на званом ужине в честь открытия ресторана на крыше, завтра — на новоселье у Собчак, послезавтра — Дудю даешь интервью.

И он такой меня спрашивает: “Маша! Сколько. Ты. Зарабатываешь”. А я ему: “Знаешь, Юра, уж побольше, чем ты”. И чтобы обо мне непременно писал “Антиглянец”. И главное, чтобы уважительно писал, мол, наша любимая края Маша сегодня снова выглядит очень изящно. Так изящно, что светская Пош уже всю голову сломала, где взять такие же ботики, как у нее. А ты просто ходишь с тусовки на тусовку и фоткаешься. И чтобы было вот: “Девочки, угадайте, куда я лечу”. Или вот это: “Девочки, сегодня мне прислали новую сумочку. Отправьте мне ‘огоньки’ в сторис, если хотите, чтобы я распаковала”.

И да, поклонников куча: зовут на свидания, дарят бриллианты в голубых коробочках и на воздушных шариках катают. И такие: “Маша, не хотите ли сегодня отобедать в ‘Национале’”?

А потом звонит продюсер Роднянский и говорит: “Маша, зову вас сняться в кино!” А я отвечаю: “Я из постели меньше чем за десять тысяч фунтов не вылезу. Так и знай, Роднянский!” Ишь что удумал!

Беззаботная жизнь: снимай себе каждый день сторис и тиктоки — и горя не знай! И хоть упейся своим безлактозным Smilio. Я бы все отдала... Хотя бы денечек так прожить».

Маша негодовала. Она конкретно утомилась: еще бы — каждый день делать омлеты в провинциальном отеле для разномастных фиф.

Маше так хотелось эмоций, приключений, а «Рекомендованные» в «Инстаграме» ведь до добра не доводят: это, девочки и мальчики, путь в один конец.

Гав-гав, как сказал бы Филя из «Спокойной ночи, малыши».

Маша работала в отеле уже пять лет и каждый день на-крывала шведский стол. Делала она это с душой. К ней даже захаживали местные работяги из соседних офисов, потому что нигде в городе больше не было таких вкусных омлетов.

Из самых ярких поклонников был Стасик — местный офисный клерк. Вот уже месяц каждый будний день он заносил ей по цветочку. Маша цветочку умилялась, но все считала, что рождена для большего, чем брак с обычным работягой: «Стасик хороший, конечно. Но он не богач. А любая девушка ведь знает из “Инстаграма”, что самец должен быть статусный».

В последние дни Машу одолели рутинна и недовольство. Жутко хотелось праздника! А ведь ничто так не раздражает, как чужая красивая жизнь.

И хотя наша героиня могла вам показаться при первом приближении недовольной девушкой, при тщательном рассмотрении вы бы увидели одну маленькую деталь, о которой она умолчала в своем горячем монологе.

В это утро, когда некая незнакомая столичная курва попросила безлактозное молоко, Маша все же побежала за ним в магазин. И нашла его. Ей было важно, чтобы даже заезжие курвы оставались довольны ее омлетами.

Когда наша героиня пролистывала ленту «Инстаграма», ее глаза вдруг ослепил баннер «Проведи один день со мной!».

Известная блогерша-миллионщица Кэт Рокси проводила конкурс: тот, кто выигрывал, получал крышесносный подарок — один день с ней. Как настоящая звезда. Кэт Рокси была самой востребованной блогершей. За ее жизнью следили 20 миллионов человек. Маша чуть не поперхнулась. Ее сердце забилось бешено, а ручки, утомленные омлетами, вспотели. Она закрыла глаза, потом снова открыла и защебетала: «Не может быть, не может быть! Это же мой шанс!» Ее руки затряслись, как трясутся у вашего автора, если он позволяет себе выпить больше одного бокала за ужином (возраст уже не тот).

Маша покрылась испариной и с дергающимися глазами и дрожащими губами начала смотреть ролик. На видео эффектная блондинка с розовыми прядями не менее эффектно подруливалась на своем «гелике» прямо к оператору и говорила:

«Привет, на связи Кэт Рокси. Хочешь провести со мной целый день? Я покажу тебе изнанку своей жизни: лучшие рестораны Москвы, тусовки с селебрити. А еще мы ходим на самый грандиозный праздник года — презентацию альбома Бэд Краша! Ты можешь оказаться на красной ковровой дорожке!

Прямо сейчас в комментариях к этому посту напиши, почему именно ты должна провести со мной день! И уже завтра мы выберем победителя случайным образом. Оставляй столько комментариев, сколько хочешь! Тогда твои шансы на победу увеличатся».

После этих слов блогерша дала по газам и уехала по Садовому вглубь столицы. Еще одну секунду в кадре струился дымок от слегка сожженных покрышек. И хотя стоимость одной покрышки равнялась годовой зарплате Маши, Кэт Рокси могла себе это позволить. «Красиво жить не запретишь!» — сказал бы Степашка из «Спокойной ночи, мальчики».

Маша, продолжая пребывать в магическом экстазе, стала судорожно смотреть, когда был опубликован ролик. Это случилось 19 часов назад — значит, оставалось 5 часов до подведения результатов, и можно было успеть закидать своими комментариями этот пост.

«Так-так-так? Что же делать? Что же делать? Вселенная услышала мои молитвы! Это должна быть я! Я проведу с ней день. Выкусите все», — Маша сложила фигушку и тыкнула ею в экран.

...Под постом накопилось больше 50 тысяч комментариев. И каждую минуту появлялось еще несколько десятков комментариев. Маша начала быстро набирать одно сообщение за другим и хаотично оставлять разные комментарии. Сначала сообщения были длинными: «Это должна быть я, потому что я смогу вам приготовить 100 разных омлетов за день!», «Я хочу провести с вами день, потому что это моя мечта», «Хочу провести с вами день, потому что мечтаю о звездной жизни», потом комментарии по-короче и превратились просто в «Рокси, хочу быть как ты».

Маша натурально хотела забрать себе ее жизнь: ничего не делать, просто фоткаться, быть красивой и кататься на «гелике». Она думала: «Разве я много прошу? Я всего лишь хочу, чтобы про меня говорили, что деньги ее испортили».

А какой же у Рокси был возлюбленный! Не мужик, а загляденье. Знаменитый рэпер Бэд Краш. С винирами, сияющими на весь Большой Головин переулок, с золотыми цепями и огромной татушкой — на его лбу был набит гигантский терновый венок. Он как бы заявлял всей стране, что пришел новый пророк.

Рокси влюбилась в него, потому что он был крайне самоуверенным: казалось, он вообще не ведал, что такое сомнения в себе. Сравнивать себя с пророком он

совершенно не стеснялся, и это нормально: чем меньше у человека извилин, тем спокойнее ему живется. Всем бы такое самомнение! Как же хочется вашему автору хотя бы на секундочку стать недалеким. Тексты песен Бэд Краша тоже были пророческими. Он пел: «Во мне живут добро и зло, моя душа как решето. Кто близко подойдет ко мне, того испеплю в огне». Испепелю в огне. Как-то так, дорогой Александр Сергеевич. Вот такой был мужик у Рокси.

Маша строчила комментарий за комментарием. Так прошло несколько часов...

Спустя пять часов в сторис у Рокси появилось новое объявление: «Стоп игра! Сейчас генератор случайных чисел выбирает победителя».

Прошло еще несколько минут, и окошко сторис обновилось. Маша открыла его и обомлела: она стала победителем! Наша героиня начала протирать глаза: «Я просто не верю! Не может этого быть! Да нет, это точно мой ник». Она застыла в оцепенении. Потом начала прыгать на месте, бросив свой телефон на стол. Потом побежала к зеркалу и радостно кричала в него: «Вы-ку-си-ли! Я проведу день мечты с самым крутым блогером».

А потом в ее голове пронеслась интересная мысль: «Мне нужно взять с собой самые красивые трусы». Как гласит народная мудрость, «хорошие трусы — это ведь +100% к нормальной самооценке».

Через минуту ей пришло сообщение в «Инстаграм» от помощницы Рокси, которая спрашивала номер телефона и паспортные данные, чтобы купить билет в Москву. Маша быстро отправила данные и метнулась к директору, которому сообщила, что сегодня она сорвала джекпот и ей надо на день в Москву. Директор не стал сопротивляться: очень уж он любил ее омлеты.

Наша героиня тут же уехала домой собирать чемоданы. Там она надела свои любимые джинсы, легкий свитер, с которого ножницами срезала катышки, закинула пару трусов в рюкзак и поехала в аэропорт.

Сторис 1: «Москва, встречай!»

Самолет приземлился по расписанию. В аэропорту Машу встретил мужчина с табличкой «Маша — звезда». Это был личный водитель Рокси.

Когда они подошли к машине, Маша охнула: она еще никогда в жизни не ездила на «Майбахе». Машина была переливающегося серебряного цвета, который успокаивал и настраивал на волну королевской жизни. «Как же мне повезло!» — подумала Маша, когда села в машину. — Еще с утра я и представить не могла, что уже в обед буду в Москве. Я просто любимица Вселенной! Как же страшно... Уф! Я сейчас встречусь с Рокси, она, небось, вся в софитах, а я буду выглядеть рядом с ней как провинциальная баламошка».

Машина подъехала к высокому стеклянному зданию. Когда они вошли внутрь, Маша увидела длинную стойку охраны, много света, стеклянных балок, а посередине огромный фонтан с подсветкой, напоминающий фаллический символ. С каждым шагом Маше становилось все страшнее и страшнее от этого великолепия. Вот уж точно — максимально «тяжелый люкс». Они дошли до какого-то кабинета, и водитель ей сказал: «Здесь вас ждут. До встречи».

Маша минуту молча переминалась с ноги на ногу, прежде чем несмело постучалась. Она жутко волновалась и все время промокала лоб салфеткой.

Из кабинета донеслось: «Да-да, заходите».

О чём живут женщины

Маша заглянула внутрь и увидела развалившуюся на диване блондинку с взъерошенными волосами в черном спортивном костюме. Маша спросила:

— Извините, а где Кэт Рокси?

— Ты шутишь, что ли? Кэт — это я. А ты кто, наша победительница?

— М-м-м, ой, извини... те. В «Инстаграме» вы выглядите слегка по-другому.

— Знаешь, дорогая, мы все в «Инстаграме» выглядим по-другому. Сейчас приедет визажист, подкрасит меня, и мы будем снимать сторис. Как зовут?

— Маша.

— Заходи, Маша. Что стоишь?

Маша робко вошла в кабинет и присела на краешек дивана. «О боже, как круто, что я могу сидеть рядом с ней! Я так счастлива. Как-то неудобно, конечно, получилось, что я ее не узнала. Я-то думала, что она будет один в один как в «Инстаграме», а она какая-то... другая. Ну ладно. Как говорил мудрец, «бросьте в меня камень, кто из нас без греха!». А в нашем мире можно сказать: «Бросьте в меня камень, кто из нас без фильтра в «Инстаграме»». В это время в кабинет вошла девушка с большой коробкой, из которой торчали косметические средства.

Рокси подскочила.

— Анжела, давай-ка, забацай нам красоту! И познакомься с нашей победительницей Машей.

Анжела сказала:

— Один момент, и будешь красотка! Маша, привет.

Визажист стала разбирать свои кисточки и другие косметические приблуды, напевая рэпчик уже знакомого нам Бэд Краша «Моя душа как решето».

Рокси ее резко прервала: «Анжела, прекрати! Не хочу это снова слышать».

Маша вжалась в диван: «Интересно, почему она так реагирует на это?»

Пока Анжела наносила на лицо Рокси густой слой тонального крема, та повернулась к Маше.

— Для начала мы придумаем тебе легенду, а потом будем снимать.

— Какую еще легенду?

— Ну, надо будет рассказать твою историю так, чтобы подписала тебя полюбила. Расскажи, ты где работаешь?

— Я работаю в отеле... в небольшом городе. Готовлю омлеты.

— Класс! Мы так и хотели, чтобы победитель был максимально простой. Из народа. А какая у тебя зарплата?

— Тридцать тысяч. В месяц.

— Ого! Повезло! В смысле, нам повезло с тобой. Подписчики будут пищать — ты ведь для них своя. То есть ты реально повариха?

— Ну да, завтраки готовлю для шведского стола.

— Ох, круто! Нам нужно, чтобы ты им полюбилась. Давай по легенде ты будешь...

— Разве я не буду самой собой?

— Быть самой собой — это неинтересно. Нам нужен сторителлинг. Давай по легенде ты будешь... сиротой!

— Сиротой? Но я... не сирота, у меня родители есть.

— Поверь, сирота — это круто. Тебя сразу полюбят. Ты почти как Гарри Поттер. У нас народ сердобольный. Очень любит тех, кто незаслуженно обижен. Вот Ксюша Собчак. Она из обеспеченной семьи, и ее ненавидят просто за это. Что бы она ни делала. А обиженных жизнью наш народ любит, так что ты — сирота.

— Ну... У меня родители будут следить, а что они скажут?..

— Ладно, не ной, нормально все будет. Что у нас по плану: сейчас снимаем сторис, как мы с тобой встречаемся, потом радуемся и обнимаемся. Короче, ты просто будь собой. Точнее, не будь собой.

Через десять минут блогерша была готова: лицо по уши в мейкапе. И уши были в мейкапе: их так залили тональными средствами, что даже большую коричневую родинку стало не видно. В комнату вошел оператор. Рокси распорядилась: «Значит, так. Снимаем встречу. Маша пишет от счастья. Маша, умеешь пишать? Поехали!»

Нашу героянью выставили за дверь, потом скомандовали: «Заходи!» Она снова зашла в комнату, ей навстречу бросилась блогерша: «О, Маша, приве-е-ет! Я так рада с тобой познакомиться. Готова провести день со мной?»

Маша вспомнила, что надо пишать. «А-а-а-а», — кричала Маша и делала счастливое лицо, которое было парализовано страхом. Они накинулись друг на друга и стали обниматься.

Через пару секунд Рокси отшатнулась: «Машка, ты молодец! Прекрати пишать. Снято. Сейчас отдам своему сторис-мейкеру, чтобы он начал все оформлять, а я пока запилю остальные. Ух, ну и денек у нас сегодня будет! Теперь еще одна сцена». Рокси ударила рукой об руку и обратилась к Анжеле: «Энджи, иди сюда и возьми капли для слез». Маша стояла в сторонке, как стыдливая школьница, и наблюдала за происходящим. В голове бегали юркие мысли-хорьки: «Хм, вот как это делается, оказывается! Они что, не по-настоящему радуются в сторис? А я-то думала! Ну ладно, наверное, так надо. У всех свои минусы в работе. Зато нас еще ждет роскошный ресторан и встреча с крутым Бэд Крашем».

В это время блогерша уселась за стол. Взяла селфи-лампу, на которую закрепила телефон. «Энджи, ну-ка взъероши

мне волосы. Готовим драматическую сцену», — сказала Рокси. Визажист подлетела к леди-босс и слегка взъерошила ее волосы.

Рокси включила фронтальную камеру и склонилась к телефону. Взяла капли — те самые, что используют в кино, чтобы создать искусственные слезы, — и залила ими глаза. «Ох и ядреные же капли, — сказала задорно Рокси, — слезы как настоящие! Главное — не ржать в кадре. Все-таки сцена драматическая».

Она перестала улыбаться. Облокотилась лицом на руку, как будто придерживая голову, и включила запись видео. В эту же секунду начала всхлипывать.

«Ребят, мне так грустно сейчас... — начала Рокси. — Я только что узнала, что Маша... круглая сирота... Представляете? Ее родители погибли в автокатастрофе, когда ей было два года. И она всю жизнь росла в детдоме...» — блогерша продолжала всхлипывать и делать короткие вдохи, как будто она всеми силами пытается не плакать. Она картично завела волосы за уши, словно скромная институтка, и продолжила: «Не думала, что буду плакать... Но ведь это так несправедливо... Извините, что говорю вам это все. Не могла не поделиться. Пришлите огонек в ответ на эту сторис, если тоже хотите поддержать Машу. Спасибо!»

Закончив свою пламенную речь, Рокси выключила камеру. И откинулась на спинку стула, стряхнув оставшиеся слезы на пол со словами: «Все! Взрыв охватов нам обеспечен!»

Анжела начала прыгать и аплодировать: «Как же круто! Ты была убедительная, как Николь Кидман. Как Леонардо Ди Каприо. Как Роуз, которая теряет Джека в последних кадрах “Титаника”. Нет, еще круче. Ты была убедительнее, чем мой отец, который каждый день просил у матери денег на водку. Актерище!»

Столик на одного

По главной улице города медленно двигался черный «Бентли». На заднем сиденье любопытный прохожий мог бы разглядеть лицо Валентины Петровны. А на лице — опущенные уголки ее губ. У Валентины Петровны давно были опущены уголки губ. И никто не знал почему.

Далее пытливый прохожий увидел бы на носу очки с сияющими камушками в оправе. Эти очки были настолько дорогие, что даже непонятно, почему уголки ее губ были опущены. Если твои очки стоят 10 тысяч долларов, разве ты не должен все время улыбаться?

Но если бы мы с вами продолжили изучать владелицу носа, губ и очков, то обнаружили бы, что вид у нее крайне недовольный. Это было перекошенное лицо человека с артрозом челюсти. Но дело в том, что у Валентины Петровны не было артоза — недовольство было ее естественным состоянием. Валентина Петровна не изменяла себе: каждое утро вот уже восемь лет она проезжала мимо кофейни Swans, откуда водитель приносил ей утренний кофе. Любой другой человек, который каждое утро заезжает в одну кофейню, давно назвал бы ее любимой. Но не Валентина Петровна. У нее просто... не было ничего любимого. Она не говорила: «Это мой любимый фильм», она могла сказать: «Это фильм, который

я смотрю уже восемнадцатый раз». Она не говорила: «Это мой любимый город». Любимых городов у нее вообще не было. Города были «красивые» и «некрасивые».

Она не говорила: «Это мой любимый костюм». Нет, костюмы, по ее мнению, были «дорогие, дешевые, деловые, твидовые, итальянские, скучные». Но «любимые» — никогда.

Когда «Бентли» подъехал к кофейне, водитель отправился за кофе, а Валентина Петровна начала разглядывать двух парней, которые сидели за столом на веранде и что-то обсуждали. Лицо Валентины Петровны оставалось недовольным ровно пару секунд.

Вдруг рука одного парня несмело легла на колено другого. Они стыдливо оглянулись, резко наклонились лицом к лицу и прикоснулись губами. Затем так же резко выпрямились и еще раз посмотрели, не заметил ли их кто.

Валентина Петровна, глядя на это через окно, вдруг скрючила такую гримасу, будто увидела, как где-то линчуют младенца.

— Фу, какая мерзость! — сказала она. И потом повторила: — Какая же мерзость. — Она провела рукой по юбке от итальянского бренда, которая стоила как годовая зарплата официанта Swans. — Если бы не моя дорогая одежда, меня бы стошнило, — сказала вслух Валентина Петровна, продолжая поглаживать юбку небесно-голубого цвета. Видимо, ее это успокаивало.

Вернулся водитель и безэмоционально протянул ей кофе. Он знал, что Валентину Петровну может раздражать хорошее настроение, поэтому предпочитал молчать. За восемь лет он ни разу не видел ее улыбающейся.

— Владимир, я же просила крышку другого цвета. Нужели это так сложно запомнить? Мне не нравится черная.

Столик на одного

У них есть коралловые крышки, — сказала недовольно Валентина Петровна.

Владимир выпрямился и промямлил:
— Извините, завтра исправлюсь. — И они поехали дальше.

У вас, мой дорогой читатель, конечно, уже сложилось определенное мнение о Валентине Петровне. Вы наверняка подумали, что наша героиня вздорная и недовольная дама, которая почему-то нетерпимо относится к однополым парам.

И вы, в зависимости от своих взглядов, уже могли ее мысленно осудить или поддержать. Ваш автор чрезвычайно лоялен ко многим вещам, поэтому он не осмелится осудить Валентину Петровну. Каждый из нас имеет право относиться к этому миру так, как считает нужным. Ну не любит человек гомосексуалистов — что теперь, убивать его, что ли, за это? Имеет право на свою позицию.

В это время черный «Бентли» остановился на светофоре. Валентина Петровна сделала глоток американо и посмотрела в окно.

На другой стороне улицы она увидела парочку на скамейке. Это были парень с девушкой лет двадцати. Парень расслабленно сидел, а девушка лежала у него на коленях. Одна его рука пристроилась на ее животе, а другой рукой он нежно водил по подбородку девушки. Они о чем-то беззаботно говорили. Девушка смеялась, и ее кудрявые волосы разметались по коленям парня. В какой-то момент она поймала руку паренька и прислонила костяшки его руки к своим губам. Он молчал и смотрел, как она по очереди целует каждый его палец.

Валентина Петровна наблюдала за ними секунд двадцать. В это время уголки ее губ опускались все ниже, в правом глазу начал дергаться кровеносный сосуд,

а потом она сказала вслух: «Кошмар. Это просто недопустимо. Я не могу смотреть на эту мерзость. С этим надо что-то срочно делать. Владимир, ты что стоишь? Поехали отсюда скорее!»

Они проехали перекресток, а Валентина Петровна снова поглаживала свою юбку и понимала, что только эта юбка заставляет ее сдержаться, когда она видит такие безумные акты на улице. «Как их только носит белый свет? Творить такое непотребство прямо на улице? Почему они не думают, что другим может быть неприятно смотреть на их отношения? Вот на эти лобызания бесконечные?» — возмущалась внутри себя Валентина Петровна.

М-да, пожалуй, вы уже поняли, что Валентина Петровна вовсе не была гомофобом. Совсем нет. Валентина Петровна одинаково ненавидела всех людей, которые не сдерживают порывы нежности в общественных местах. И неважно, какой они были сексуальной ориентации: гетеросексуалы, гомосексуалы, пансексуалы и далее по списку.

Ненавидеть сразу всех — это очень удобно. Ведь когда ты нетерпим только к одной группе людей, то это энергозатратно: тебе постоянно нужно сосредотачиваться на чем-то одном. А когда ты ненавидишь всех, то тебе не надо разбираться.

Так было у Валентины Петровны: если ты человек и если у тебя есть пара, то она тебя автоматически ненавидела.

За последние восемь лет ситуация усугубилась: она вообще не могла смотреть спокойно, как два человека демонстрировали свои чувства. Ее начинало выворачивать и трясти. Когда два человеческих существа проявляли теплоту друг к другу, ей становилось как-то вязко на душе. Знаете такое состояние, когда тебе «вязко»? Представьте: вот-вот должен пойти дождь, а он никак не начинается.

Столик на одного

С душой бывает то же самое: вроде сейчас пойдет дождь, но ты зависаешь в этом вязком состоянии и не можешь сдвинуться с места. У Валентины Петровны на душе тоже сначала было вязко, потом накопилось больше раздражения от таких пар, потом появилась агрессия и вот, наконец, началась лютая ненависть.

В это время черный «Бентли» подъехал к невысокому зданию. Остановился возле входа. Водитель открыл дверь и подал руку Валентине Петровне. Она ступила на асфальт, коснулась своих очков и еще сильнее насадила их на переносицу. Потом недовольно поджала свои и так тонкие губы, взяла сумочку и направилась ко входу. Над входом было написано большими буквами VP Fashion. Валентина Петровна вошла в здание. Две девушки на reception, которые до этого мило разговаривали, быстро встали со своих мест и прощебетали: «Доброе утро, Валентина Петровна!»

Та кивнула им в ответ, молча поднялась на второй этаж, где располагался гигантский open space. Прошла мимо работающих сотрудников, не повернув голову в их сторону, цокая каблуками.

Все уже привыкли к ее особенности. Никто из них не знал, что произошло в жизни нашей героини восемь лет назад и почему она с тех пор не улыбалась.

Она дошла до кабинета, на котором было написано «Валентина Самоедова. Президент VP Fashion». VP Fashion была огромной корпорацией, которая объединяла всю модную индустрию страны. Прибыли компаний были ошеломляющими благодаря чутью и фанатичности нашей героини.

Валентина Петровна прошла внутрь и села на диван. Чувство гадливости не покидало ее. «С этим надо что-то срочно делать. Это уже невозможно, это переходит все

границы», — повторяла она. И, нажав на кнопку, вызвала секретаря. Через тридцать секунд в ее кабинет несмело постучались, а потом из-за двери появилось маленькое женское тело в сером пиджаке и серой юбке.

Волосы у вошедшей были зализаны в маленький хильный пучок. Тело спросило:

— Валентина Петровна, вызывали?

— Да, Елена, соберите срочно всех топ-менеджеров компании. И вызовите нашего инвестора, Алексея Викторовича. Попросите его приехать. Мы запускаем новый проект.

— Хорошо, Валентина Петровна, — сказало тело и суетливо скрылось за дверью.

Уже через час в большом кабинете для совещаний собирались все главы подразделений и топ-менеджеры. У окна стоял Алексей Викторович, главный инвестор VP Fashion. Они познакомились с Валентиной Петровной несколько лет назад. Он тогда заработал кучу денег на природных ресурсах, не задумываясь о высоком, и хотел вложить их в прибыльный стартап. Благодаря VP Fashion он сорвал джекпот: его инвестиции выросли тысячекратно. Он уже давно ничего не инвестировал в компанию, а только получал свои проценты. Он знал, что без Валентины Петровны этого бы не случилось.

— Коллеги, — начала Валентина Петровна. — VP Fashion уже много лет лидер на рынке нашей страны. Мы поставляем одежду для всех крупных магазинов. Но нам необходимо расти. Чтобы укрепить позиции бренда, я хочу создать фонд. Алексей Викторович, я приняла решение вложить часть прибыли в новый проект. Сейчас я вам его представлю.

Алексей Викторович присел на стул возле нашей героини.

Столик на одного

— Да, Валентина Петровна? Я заинтригован, — сказал Алексей Викторович, расстегивая пуговицу на своем пиджаке. В последние месяцы Алексей Викторович набрал пару лишних килограммов после развода, поэтому все пиджаки стали ему малы.

— Новый проект — это фонд, который будет лоббировать гражданские инициативы. Компания приносит много денег. Пришло время приобретать влияние, чтобы поменять некоторые вещи в стране.

— Власть всегда приятнее, чем деньги, — вставил Алексей Викторович, расстегивая вторую пуговицу на пиджаке. Он и сам давно задумывался, что в его возрасте уже неприлично быть просто богатым. Нужно иметь еще и власть. — А чем будет заниматься фонд?

— Нас ждет много интересного, Алексей Викторович. Мы станем инициаторами глобальных перемен в нашей стране. О нас будут говорить. И благодаря этому у нас будет больше партнеров и соратников.

— Да, это хорошая мысль. И какая же будет первая инициатива?

— Она коснется самой важной сферы всех людей. Сфера отношений. Мы выдвинем инициативу об оскорблении чувств... одиноких людей.

Алексей Викторович даже закашлял.

— Простите, Валентина Петровна? Одиноких людей?

Люди в кабинете зашумели. Поднялся тихий гул. Валентина Петровна окинула всех стальным взглядом, и шум затих.

— Да, вы меня правильно услышали, Алексей Викторович. Наша страна очень большая. И в ней много как семейных, так и одиноких. У нас много законов, которые направлены на защиту и поддержку семей. Но кто позаботится об одиноких людях? Это люди, у которых по раз-

ным причинам нет пары. И эти люди каждый день, каждую секунду подвергаются ущемлению. Они тоже должны получить защиту.

Алексей Викторович начал расстегивать верхнюю пуговицу на своей белоснежной рубашке и снова покашливать.

— А какого рода ущемления вы имеете в виду?

— Вы видели, что творится на улицах? Люди, которые находятся в паре, не стесняясь, у всех на виду целуются, обнимаются, держатся за руки. Сегодня, пока я ехала на работу, видела две пары, которые занимались этим прямо на улице. Это бесстыдство. Боюсь представить, что происходит в автобусах и метро, если даже на улице такой бардак. Вы только представьте себе чувства одиночек, когда они видят подобное? Знаете, как это называется? Это называется пропаганда отношений. Почему у нас нет закона о пропаганде любых видов отношений? По-моему, это зрело и логично. Почему одинокие люди должны подвергаться пропаганде отношений? Такое в нашем демократическом обществе недопустимо. Вот поэтому мы создадим фонд и будем лоббировать эту инициативу.

— Слушайте, Валентина Петровна, идея с фондом, конечно, хорошая. Но что касается одиночек, то кто-то выбирает быть в отношениях, кто-то выбирает быть вне отношений. Это право человека: быть одному или быть в паре. Сейчас, знаете, есть даже полигамы. Ну это когда, например, один мужчина и две женщины живут вместе. И они любят друг друга.

— Алексей Викторович, ну давайте не будем это называть полигамией. Это просто мужчина, который хорошо устроился.

— Но постойте, Валентина Петровна, почему люди, которые хотят, скажем, приобрести дорогого человека на улице, должны страдать из-за того, что кто-то выбрал

Столик на одного

не строить отношений? У нас же свободная страна. Никому не запрещено ни быть одинокими, ни семейными.

— Алексей Викторович, пусть целуются и обнимаются дома. Знаете, как любят говорить: «Чем вы занимаетесь за закрытой дверью своей спальни — меня не тревожит». Пусть хоть облизнут друг друга с ног до головы — мы в это вмешиваться на будем. Если, конечно, они задернут шторы.

— Валентина Петровна, неужели это такая серьезная проблема?

— Очень серьезная! Вы только подумайте: открывая ленту «Фейсбука», а там сплошные фотографии в обнимку и вот это хвастовство: «Я и мой котик». Заходишь в «Инстаграм», а там скандал на скандале, кто с кем спит и кто с кем встречается. В рекламе, книгах, фильмах — вечные эти слюнявые парочки. Бесконечная пропаганда парности.

— Ну и что? Ведь люди делятся своим счастьем, созданием ячейки общества, так сказать.

— Они не делятся своим счастьем, Алексей Викторович. Они им прессуют. Они его навязывают всем остальным. Это жесткая, непримиримая пропаганда. Тыфу! А одиночные люди страдают. Они смотрят на это и испытывают злость, разочарование, ущербность. Они чувствуют себя инвалидами.

— И инвалидов сюда приплели! А инвалиды-то тут при чем?

— Очень даже при чем! Представьте, вот у вас, например, нет ног. Вы заходите в соцсети, а там ваш одноклассник выкладывает фотографию с подписью «Как прекрасно иметь ноги!». А потом вы спускаетесь в метро на коляске, катитесь по пандусу, руки потеют, колеса проскальзывают, вам жутко неудобно. Еще и нос чешется, а почесать не получается. Заезжаете в вагон весь в поту. А напротив вас стоит такой амбал двухметровый со своим другом.

И начинает вдруг другу говорить: «Сегодня был в фитнес-клубе. Сделал десять подходов на ноги. Смотри теперь, какой у меня квадрицепс». А друг ему отвечает: «Да, ноги у тебя мощные».

А потом вы заходите в «Инстаграм», а там в ленте одни фотографии ног на море. Ну такие, как две сосисочки. Понимаете, как это неприятно, если у вас ног нет? Это же трагедия! Это же прямое сообщение всем безногим: «Ты неудачник!»

В кабинете повисла мертвая тишина. Недоумение отпечаталось на лицах присутствующих. Алексей Викторович, продолжая расстегивать пуговицы на своей рубашке, решил предпринять последнюю попытку.

— Ну хорошо, но ведь одинокие люди бывают разные. Вы говорите о тех, кто никак не может построить отношения. И переживает из-за этого. Но ведь много и других — тех, кто просто не хочет быть в них. Может, человек одинок по собственному желанию, так сказать. Мы вот с моей благоверной недавно развелись. И чувствую я себя теперь намного лучше, так сказать.

— Вы, Алексей Викторович, — это другое. А есть и те, кто просто не может найти пару! Это же самые незащищенные люди. Кто позаботится о них? Им же никуда не скрыться от внешнего мира. А потом они приходят домой, плачут, смотрят фильм про несчастную любовь и хотят повеситься. А представьте, если человек вовсе не выбирал быть одиноким, а, например, потерял близкого человека. И теперь не может никого полюбить и страдает. А ему изо всех щелей пихают вот эти поцелуи и показывают, как они счастливы. Как тут не повеситься?

— Ой, ну Валентина Петровна, вот уж я и не думал, что вы так завернете. Связали отсутствие отношений и суицид.

Столик на одного

— Алексей Викторович, если вам не хватает доводов, то вот еще один. В Сеуле есть мост, с которого обычно прыгают суицидники. И вот там развесили фотографии счастливых семей, парочек, детей. Якобы это должно мотивировать тех, кто хотел спрыгнуть, сохранить себе жизнь. И что вы думаете? Суицидов стало еще больше! Нехорошо это. У тебя депрессия — а тебе со всех сторон своим счастьем тычут. Тут и повеситься недолго. Мои аргументы более чем здравые.

— Ой... Неожиданно, конечно.

Алексей Викторович уже расстегнул все пуговицы, которые позволяли правила приличия, и уставился в окно. В полной тишине он завис на пару минут. В его кармане завибрировал телефон. Он достал его и бросил взгляд на экран. Это было push-уведомление от приложения для знакомств: «Не смогли найти пару? Не беда! Попробуйте премиум-формат».

Алексей Викторович фыркнул. Повернулся к Валентине Петровне и сказал:

— Ну, хорошо. Убедили. Готовьте свою инициативу.

— Спасибо, что поддержали эту важнейшую инициативу, которая сделает наше общество по-настоящему свободным. Коллеги, всем спасибо. Готовим фонд к запуску!

Все молча вышли из переговорного зала и отправились на свои места.

Валентина Петровна вернулась в кабинет, закрыла дверь, скинула туфли и подошла к большому столу из красного дерева. Она открыла верхний ящик и долго смотрела на предмет, который там лежал. Потом достала его. Это была фотография. На ней были изображены две фигуры — мужчины и женщины, которые стоят в обнимку напротив Колизея. Девушка с приподнятыми уголками губ и улыбающийся мужчина. Сзади была подпись «Вале от Коли».

О чем живут женщины

Валентина Петровна погладила фотографию и обратилась к человеку на ней: «Ну вот, Коленька, надеюсь, тебе там хорошо и ты там улыбаешься, потому что я с того дня совсем перестала. Сегодня тебя нет уже восемь лет. До сих пор жалею, что сама тогда не села за руль. Может, все было бы по-другому.

У меня все хорошо. Пью кофе в Swans каждый день. Помнишь год, когда мы завтракали там каждое утро? И ты всегда просил двойную порцию сметаны к сырникам. А я все боялась, что у тебя подскочит холестерин.

Я тебе говорила, что у меня все хорошо? А сегодня я сделала кое-что важное для нас с тобой. А точнее, для меня без тебя».

В дверь несмело постучали. Валентина Петровна положила фотокарточку на место и закрыла ящик.

— Войдите, — сказала она.

В проеме снова появилось туловище в сером костюме.

— Валентина Петровна, я составила черновой вариант вашей инициативы. Посмотрите?

Валентина Петровна откинулась на кресле.

— Да, Елена, оставьте. И позвоните в Swans. Забронируйте столик на одного. Сегодня у меня есть что отметить.